

1

... — О оставлении согрешений, во блаженной памяти преставльшихся Господу помолимся.

— Господи, помилуй.

— О приснопамятном рабе Божиим, Евгении, покоя, тишины, блаженныя памяти его Господу помолимся.

— Господи, помилуй.

— О прости ему всякое прегрешение вольное и невольное, Господу помолимся.

— Господи, помилуй...

Елизавета Антоновна слушала батюшку, опустив голову и глядя на носки своих туфель. По щекам текли слезы. «Женька, Женечка, ну как же? Как ты мог так со мной поступить? Ушел, покинул. И что я без тебя? Куда? Всю жизнь вместе, бок о бок, с восемнадцати лет. Детишек Бог не дал, друг дружке были как дети. Слова грубого не сказали друг другу за столько лет. Казалось, никогда это не кончит-

ся — жизнь, как сказка, полная нежности, заботы, понимания и доверия. И вот...»

Елизавета Антоновна не удержалась и сдавленно зарыдала. На плечо легла чья-то рука. Ах да, соседка с третьего этажа, как ее, Маша, кажется. Елизавета всегда была малообщительной, а тут дом новый, переехали недавно. С соседями в основном общался Женя, она никого толком не успела узнать за полгода. Эх, зачем радовались, дураки, зачем обставляли новую квартиру? Знали бы, чем обернется этот переезд, сидели бы в старой панельной двушке и не рыпались...

— Вам нехорошо? — участливо проговорила девушка и погладила Елизавету по плечу. — Хотите водички? У меня есть.

Та кивнула и вытерла глаза. Соседка протянула ей пластиковую бутылочку. Почему, откуда она здесь, эта милая девочка? Лиза не помнила, что звала на похороны кого-то из соседей. Девушка словно услышала ее мысли.

— Я не могла не прийти. Евгений Иванович столько сделал для нас. Мы его всю жизнь помнить будем, такое горе!

Елизавета хотела было спросить, что именно сделал ее Женя для этой румяной, курносой девушки, но у нее не было сил ше-

велить губами. Она глотнула из бутылки. Вода была с привкусом лимона.

— Легче? — мягко спросила Маша.

— Немного. — Лиза кивнула и продолжила слушать батюшку.

Тот уже заканчивал отпевание. «Помилуй нас, Боже, по великой милости Твоей, молим Тебя об этом, услышь и помилуй...» Священник оглядел притихших людей. В полумраке отчетливо слышалось потрескивание свечей.

— Приидите, последнее целование дадим, братие, умершему...

Все с ожиданием посмотрели на Лизу. Она на негнувшихся ногах подошла к гробу, нагнулась и поцеловала Женю в холодный восковой лоб.

— Прощай, любимый. Мы обязательно встретимся. Дай бог, чтоб поскорей.

— Грех говоришь, сестра, — незлобиво укорил ее священник. — Смерти себе выпрашивать — грех.

Лиза опустила глаза и стала в изголовье гроба. Один за другим подходили люди. Все они казались ей безликими, темными силуэтами на фоне зыбкого пламени свечей. Она не разбирала, кто есть кто. Кажется, эти трое мужчин с Женькиной работы, а вон те женщины — двоюродная сестра и племянница.

Родители Евгения давно умерли, родни в столице было мало, в основном все жили в далеком Екатеринбурге, из которого он был родом.

Выйдя из церкви, все погрузились в автобус и поехали на кладбище. Рядом с Лизой все время была Маша. Лица ее она не видела, только руки. Они то и дело обнимали, подавали платок, все ту же бутылку с водой, таблетку валидола.

На поминках неожиданно все взял в свои руки какой-то тучный, лысый толстяк. Он уселся во главе стола и налил водки окружавшим.

— Ну, что тут сказать... — Голос у него был низким, басистым, быстро перекрывшим гул, царивший за столом. — Светлая память Жене, Евгению Ивановичу. Святой был человек. Мы с ним лет десять как дружим. Дружили... Золотые руки Господь ему дал. Все-то он мог, все умел. Там, где другой бессилён, наш Евгений Иванович творил чудеса. Мастер с большой буквы.

Лиза слушала и смутно понимала, что этот разевшийся, самоуверенный боров — не кто иной, как Женин начальник, Пал Палыч. Но что с ним стало? Она помнила его подтянутым, стройным энергичным мужичком. Неужели какие-то пару лет так изменили его? Последний раз они виделись три года назад, на Женькином юбилее.

Толстяк все говорил и говорил, и народ, измученный ранним подъемом, долгим стоянием в церкви и промозглой стужей на кладбище, смотрел на него с плохо скрытой злостью. Наконец он закончил, выпил, не чокаясь, одним махом, и потянулся вилкой к блюду с селедкой. Подцепил кусок с прилипшим к нему луковым колечком и кинул в рот. Сразу все ожили. Стали накладывать салаты, тащить к себе на тарелки колбасу, мазать икру на тонкие лепестки багета...

Лиза почувствовала, что ее тошнит. В рот не лезло ничего, даже кутья. Она выпила водки, и ее передернуло. Захотелось, чтобы за столом стало пусто. Чтобы все эти люди, невесть как связанные с Женькой, исчезли, а сама она оказалась в квартире. Плотно завесила бы шторы, выключила свет во всех комнатах, повалилась на постель и плакала бы, плакала, до сладостной пустоты в голове, до судорог в горле, до того, как слезы полностью не иссякнут, а боль не станет тупой...

Поминки тянулись длинно и муторно. Нескольким раз к Лизе подходил Пал Палыч. На локте у него висела совершенно пьяная, дебилая блондинка с размазавшейся под глазами тушью, его супруга. Пал Палыч тискал Лизину руку — пальцы у него были мясистыми и пот-

ными. От него пахло отвратительно резкими духами и табаком.

— Милая, вы не думайте, я вас не оставлю. Помогу, если что. Даже не сомневайтесь.

Лиза кивала, невольно стараясь задержать дыхание, чтобы не слишком глубоко вдохнуть эту гремучую смесь...

Потом вдруг все закончилось, внезапно и сразу. Стол опустел, народ толпился в дверях. Кто-то целовал Лизу на прощание, оставляя на щеках следы от помады. Официант с сонным видом собирал на тележку грязную посуду. Подошла Маша, взяла Лизу под руку.

— Муж приехал на машине. Мы отвезем вас домой.

— Да, хорошо, — прошелестела Лиза, забыв сказать спасибо.

Когда за Машей захлопнулась дверь, она зашла в спальню. Шторы были задернуты с ночи, Лиза их так и не открыла. Следуя своим мечтаньям, она прилегла на широкую, двуспальную кровать, покрытую шелковым покрывалом, и хотела заплакать, но слез не было. Напрасно Лиза морщилась, терла глаза и даже пыталась сымитировать рыдания, издавая характерные звуки. Ни слезинки. Она встала и подошла к комоду, на котором стояла фотография Жень-

ки в наспех сделанной траурной рамке. Он улыбался Лизе теплой веселой улыбкой счастливого благополучного человека. Таким он и был...

«Женька. Сердце твое было огромным и нежным, умело дарить любовь. Оно казалось таким крепким, а на самом деле было слабым и больным. И разорвалось в один момент. Бедное сердце, уставшее от постоянной гонки, от тревог и волнений, привыкшее брать всегда на себя. Бедное, бедное сердце...»

Лиза осторожно погладила фотографию. Затем пошла в кухню, налила воды в стакан и выпила залпом. Ей стало немного легче. Чуть-чуть. Она подумала и сунула в рот белую, продолговатую таблетку из упаковки, что дала ей перед уходом Маша. Таблетка была безвкусной и пахла пластмассой. Вскоре глаза стали слипаться, ноги отяжелели и с трудом повиновались. Лиза вернулась в спальню, откинула покрывало и улеглась на мягкие пуховые подушки. Тотчас ее сморил сон, крепкий, густой, без сновидений.

2

На работе на Лизу смотрели с жалостью. Наверное, она ужасно выглядела. Целую неделю просидела дома и вышла ненакрашенная,

с темными кругами под глазами, с искусанными, сухими губами.

— Елизавета Антоновна, вас к начальству, — сказала ей в середине дня секретарша Надюша.

К начальству? В первый же день, как пришла? Что, интересно, от нее хотят? Может, материальную помощь предложат? Вроде у них так принято.

Лиза не спеша поднялась на второй этаж, где находился кабинет директора их крошечного НИИ, оставшегося еще с советских времен, чудом пережившего лихие девяностые, смутные нулевые и как-то умудрившегося встроиться в современную экономику. Лиза постучала в широкую, выкрашенную коричневой краской дверь.

— Входите, — послышался голос Сергея Митрофановича.

Директорствовал он недавно, всего год, а до этого на его месте сидел мировой мужик, Леонтий Петрович. Полтора года назад Леонтия не стало. Его обязанности сначала исполнял зам, Геннадий Семенович, затем его почему-то убрали и прислали, как выразились, «молодые кадры». Сергей Митрофанович действительно был молод, всего тридцать шесть лет, два образования, техническое и экономи-

ческое, и море гонору. Начал он с глобальных кадровых перестановок. Затем заставил написать заявления по собственному чем-то не угодивших ему сотрудников. Ввел новую систему поощрений и штрафов. На этом его деятельность, слава богу, притормозилась. Люди вздохнули с облегчением и, перестав ждать подвоха, вернулись к работе.

Лиза зашла в кабинет. Сергей Митрофанович сидел за огромным столом, заваленным бумагами, и смотрел в монитор.

— Вы звали меня? — спросила Лиза.

Он поднял на нее прозрачные, голубые глаза.

— Да, звал. Присаживайтесь, Елизавета Антоновна.

Тон у директора был мягкий и сочувственный. Лиза окончательно успокоилась и села на диванчик, стоящий у одной из стен.

— Как вы? — Взгляд Сергея Митрофановича скользнул по ее лицу.

— Ничего. Спасибо. Понемножку.

— Примите мои глубокие соболезнования. Очень, очень жаль.

— Спасибо. — Лиза почувствовала, как задрожали губы.

— Я распорядился, чтобы бухгалтерия выписала вам матпомощь. Там не так много,

но все-таки хоть какое-то подспорье. Я же понимаю, какие сейчас у вас расходы.

— Спасибо, — снова повторила Лиза.

Значит, правильно она предположила. Молодец этот Митрофанович. Зря его народ чихвостит, мол, молодой, да ранний, бездушный карьерист. Вовсе не бездушный. Он смотрел на нее внимательно, оценивая, какую реакцию вызвали его слова.

— Деньги придут в следующем месяце, то есть через неделю-полторы.

— Спасибо, — в третий раз повторила Лиза, ощущая неловкость. Наверное, надо быть более эмоциональной, сказать больше слов благодарности. Но внутри у нее все словно оцепенело, и слова не шли с языка. — Я могу идти?

— Да, можете. Хотя... нет. Погодите. Я не хотел сегодня об этом говорить, но, с другой стороны, зачем тянуть?

— О чем? — не поняла Лиза.

Сергей Митрофанович уперся взглядом в столешницу.

— Понимаете, Елизавета Антоновна, сейчас трудное время. Оно диктует новые условия, весьма жесткие. В этих условиях выживет сильнейший, как говорится.

нит, этот милый мальчик с напوماженным чубчиком и рыбьими глазами?

— ...Пенсионерам не место в нашем институте. Пора дать дорогу молодым.

— Но я не пенсионерка! — Лиза наконец все поняла. Ее хотят уволить! Подсластить горькую пилюлю матпомощью и взять на ее место какую-нибудь зеленую девчонку с нарощенными ногтями, которая ничего не смыслит в профессии, зато разбирается в таблицах на компьютере. — Мне до пенсии еще несколько лет, — твердо сказала Лиза, собрав в кулак последние силы.

Сергей Митрофанович благодушно покачал головой:

— Это не имеет значения. Годом раньше, годом позже. Нам нужны новые кадры, современные, оснащенные прогрессивными знаниями.

— Вы хотите, чтобы я написала заявление по собственному желанию? Как те, остальные? — Лиза взглянула в водянистые глаза директора.

Тот спокойно выдержал ее взгляд и кивнул:

— Хочу. Поймите, так будет правильной.

— Для кого правильной?

— Для нашего дела, — жестко ответил он.

— Но я... как же мне жить? На что? — Лиза почувствовала отчаяние. — Где я сейчас найду работу? У меня даже пенсии еще нет!

— Вот поэтому матпомощь, — спокойно проговорил Сергей Митрофанович. — Там приличная сумма. Ее хватит на несколько месяцев. Ну а потом... — Он слегка прищурил глаза. — Разберетесь. Есть много вариантов, как обойтись без работы. Например, сдавать квартиру.

— А жить? Где жить?

— Подыскать что-то поменьше, поскромнее. Обратитесь в соответствующее агентство, вам помогут. У меня мать так делала и не жалеет. Разницы в ценах вполне хватает на безбедное существование.

— Лучше бы вы помогли своей матери деньгами, — дрожащим голосом проговорила Лиза.

Ей хотелось закричать, обругать этого зарвавшегося мальчишку последними словами, в конце концов хлопнуть дверью. Но ничего этого она не сделала.

— Я учту ваш совет, — все так же невозмутимо произнес Сергей Митрофанович. —

Лиза не помнила, как спустилась и дошла до своей комнаты.

— Елизавета Антоновна, что случилось? На вас лица нет. — Сидевшая у окна Оля Морозова вскочила и подбежала к ней. — Вам плохо? Может, «Скорую»?

— Девочки, меня увольняют. — Лиза тяжело опустилась на первый попавшийся стул.

— Как увольняют? — ахнула черноволосая Мария Витальевна. — Не может быть!

— Может. Только что сам сообщил.

— Не имеют права, — уверенно проговорила Иришка Коваленко, самая молодая в отделе и осведомленная обо всех юридических тонкостях. — Вы в суд на него подавайте. Выиграете, сто процентов! Предпенсионеров не положено увольнять.

— Верно, Лиза, надо судиться, — поддержала ее Мария Витальевна.

Оля тем временем вскипятила чайник и налила Лизе крепкого чаю.

— Вот, выпейте. С шоколадкой.

Она помотала головой:

— Не хочу. Ничего не хочу. И судиться тоже.

— Елизавета Антоновна! — Иришка осуждающе покачала головой. — Мы все понимаем. Утрата. Горе. Но надо же как-то жить. Нельзя наплевать на себя. И кто вообще придет на ваше место? Вы ценный специалист, с опытом работы.

— Не нужны нашему руководству никакие специалисты, — с горечью проговорила Лиза. — И... ладно, девочки, напишу я это заявление. Как-нибудь...

Она не сдержалась и заплакала. Добрые девчонки накапали ей валерьянки, заставили выпить чаю, снабдили бутербродами с красной рыбкой и вкусными конфетами. Иришка даже хотела поговорить с директором лично, но Лиза категорически отказалась. Остаться здесь Христа ради и все время помнить о том, что ее могут выдворить в любой момент — это казалось ей еще более тяжелым, чем в одночасье оказаться без средств к существованию. Она с трудом досидела до конца дня и ушла домой.

Зайдя в квартиру и едва сняв пальто, Лиза открыла ящик комода в гостиной и достала оттуда все документы на квартиру, а также платежки, договора на мелкие кредиты и прочее. Аккуратно разложив все это на столе, она с полчаса изучала бумаги. Слава богу, квар-

тиру они с Женькой купили за наличку, не прибегая к ипотеке, а то сейчас был бы караул. Выплаты по кредитам на мебель и технику составляли около семи тысяч в месяц. Не много, но если учесть, что доходов ожидается ноль, то сумма чувствительная. Лиза подумала и, отыскав в интернете надежную, как ей показалось, фирму, позвонила туда. Ей ответила милая девушка:

— Да, конечно, мы поможем вам сдать квартиру. Я сейчас пришлю свой номер, а вы мне киньте в мессенджер фото документов и просто пощелкайте комнаты и кухню. Ну и санузел тоже не забудьте.

На том они и распрощались. Лиза все сделала, как велела менеджер: сфотографировала выписку из Росреестра, потом сделала около десяти снимков квартиры и все это отослала на присланный ей номер. В ответ пришло «ок» и веселый смайлик. На следующий день ей позвонили.

— Есть жильцы на вашу квартиру. Сегодня вечером посмотрим, и можно заключать договор.

— Уже сегодня? Так быстро? — испугалась Лиза.

Ей казалось, что такие вещи делаются гораздо дольше.

— Конечно, — пророкотал на другом конце юношеский басок. — Чего тянуть.

Вечером пришла молодая пара. Он высокий, худой и длинноносый, похожий на выросшего Буратино, она хорошенькая пампушечка, едва достававшая ему до груди. С ними явился молоденький агент Сережа. Все трое нацепили бахилы и по-хозяйски ходили по квартире, разглядывая обстановку и делая какие-то замечания, вроде «ванная тесновата», «освещение не супер» и так далее.

Лиза потерянно бродила за ними следом, и ей отчаянно хотелось, чтобы непрошенные гости куда-нибудь испарились и все стало как прежде. Оглядев квартиру, вся троица уселась за стол. Сережа зачитал Лизе договор. По нему она должна была пустить квартирантов ровно через неделю. За это время ей самой следовало подыскать жилье поскромней и подешевле.

— У меня есть варианты, — сказал Сережа, когда молодые скрылись за дверью. — Вот. — Он сунул Лизе под нос смартфон.

Вариантами оказалась однушка в Котельниках, комната в коммуналке на Полежаевской и апартаменты на Окружной. Мало-мальский ремонт имелся только в апартаментах, однако площадь их была всего шестнадцать метров.

— Зато есть второй этаж, — похвастался Сережа и показал фотку антресолей, к которым была приставлена деревянная лестница, наподобие шведской стенки.

Лиза представила, как будет карабкаться по ней, и замахала руками:

— Нет, нет, лучше уж Котельники.

— Отлично, — обрадовался Сережа. — Когда поедem смотреть?

— Завтра воскресенье, вот и поедem.

Назавтра Сережа заехал за Лизой на машине и повез ее в Котельники. Квартира оказалась в двадцати минутах езды от метро на маршрутке, убитая в хлам, с облезшими обоями и осыпавшимся потолком. Первым, кто вышел их встречать, был огромный рыжий таракан. Он выполз из комнаты на дырявый линолеум в прихожей, шевеля роскошными длинными усами. Лиза вскрикнула, а Сережа, не поморщившись, наступил на таракана ногой. Очевидно, подобное действие было для него привычным.

— А где хозяева? — спросила Лиза, с тоской оглядываясь по сторонам.

— Хозяйка недавно умерла. Квартиру сдает ее сын. Он не приедет, ему некогда. У меня доверенность.

— Ясно, — обреченно проговорила она и поспешила обратно за порог.

— Куда вы? — удивился Сережа. — Ванную не будете смотреть? А кухню?

— Не буду. И так все ясно.

Лиза стала спускаться по лестнице. Сережа шел за ней и на ходу приговаривал:

— Смотрите, вариант нормальный. Мужик за нее хочет совсем немного, всего тридцатник. Ну плюс залог и комиссия.

Лиза слушала его и подсчитывала: разница между сдачей своей двушки и съемом этой развалюхи составит тысяч тридцать, не больше. Семь тысяч уйдет на кредиты, еще семь на коммуналку. Плюс проезд на маршрутке туда и обратно хотя бы несколько раз в месяц — не может же она сидеть в такой дыре безвылазно, ей захочется выбраться в центр, сходить в театр, в филармонию, просто пройтись по Тверскому бульвару или Большой Никитской. Итого остается около пятнадцати тыщ на все про все. На эти деньги можно только питаться, ну иногда покупать себе что-то из одежды.

— Знаете, нет! — решительно произнесла Лиза и сама удивилась, как громко прозвучал ее голос.

Агент обернулся и посмотрел на нее с удивлением.

— Нет? Но ведь дешевле вариантов вы не найдете. Это будет комната или сту-

дия без кухни. А тут все же отдельная квартира.

— Я передумала, — почти весело проговорила Лиза.

— Не будете сдавать квартиру? — Парень сделал отчаянные глаза.

— Нет, квартиру свою буду сдавать. А вот снимать — нет.

— Где же вы станете жить? — любопытствовал Сережа.

— Найду.

Лиза махнула рукой и, толкнув тяжелую дверь подъезда, вышла на улицу.

— Я подвезу вас до метро, — предложил агент, явно заинтригованный ее поведением.

— Не нужно. Сама доеду.

Лиза зашагала к остановке, к которой уже подъезжала маршрутка.

— На связи, — робко вякнул Сережа ей в спину.

Она кивнула, не оборачиваясь. Маршрутка была набита битком и ползла медленно, как улитка. Лиза висела на поручне, покачиваясь из стороны в сторону, и думала, как ей быть. Квартиру-то она сдаст, тут двух мнений быть не может. Но куда ей деваться после этого?

Идей было несколько. Одна — уехать в Питер к подруге Соне. Та тоже недавно по-

теряла мужа, часто звонит и плачет в трубку. У Сони двухкомнатная квартира, Лиза могла бы поселиться в маленькой комнате и вносить в общий бюджет часть денег от сдачи. Они с Соней ходили бы по музеям и театрам, гуляли по Невскому, а вечером сидели бы в кондитерской «Север» и баловали себя пирожными и кофе. Мысль показалась Лизе весьма разумной и правильной. Надо будет сегодня же позвонить Соне и предложить такой вариант.

Другая идея — поискать в собственном доме молодую семью с ребенком, в которой нет бабушек и дедушек. Ребенок, конечно, должен быть не слишком маленьким, в идеале младший школьник. Лиза могла бы жить в семье, водить отпрыска в школу и обратно, делать с ним уроки, а также отвозить на всевозможные кружки. Иначе говоря, подыскать себе место няни с проживанием. Пожалуй, это было бы самым выгодным — ни от кого не зависеть, нянчиться с малышом, да еще, возможно, ей бы платили хоть какую-то копеечку. Однако Лиза не была уверена, что в их доме или даже районе найдется такое семейство. Все-таки одно дело — приходящая няня, и совсем другое — постоянно живущая в квартире чужая тетка. Все же Лиза решила, что попро-

бует проработать этот вариант и расклеит по району объявление.

Третий вариант был самым простым, но и малособлазнительным. Лиза могла уехать в деревню, где раньше жила ее бабушка, и от нее остался небольшой, но вполне крепкий зимний дом. Бабуля умерла десять лет назад, пережив Лизиных родителей. С тех пор она с мужем была в деревне раз пять, а то и меньше. Оба работали, деревенский быт не любили, к огородничеству были равнодушны. Дом, конечно, нужно ремонтировать, по-хорошему, перекрыть крышу, заново покрасить, починить упавший кое-где забор, сделать нормальную, современную канализацию. Все это рукастый Женька мог осуществить играючи, но не было у супругов желания впрягаться в подобное предприятие.

Деревня далеко от Москвы, пять часов езды на машине, часто не наездишься. Нужно там жить хотя бы пару месяцев в году, а Лиза и Женька любили в отпуск съездить к морю, погреться на солнышке, попить Пина Каладу, отведать краба и так далее. Гнуть спину на грядках не входило в их планы. Несколько раз речь заходила о том, чтобы продать дом, но стоил он копейки, и Лиза решила оставить все как есть. Что

ж, как самый последний запасной вариант, и это сгодится.

Она не заметила, как доехала до дома. Шла на автопилоте, погруженная в свои мысли. Дома Лиза решила сразу взять быка за рога и позвонила Соне.

— О, привет, Лизхен! — Сонин голос звучал непривычно бодро. — А я как раз о тебе вспоминала.

— Это хорошо, что вспомнила, — обрадовалась Лиза. — Послушай, нам надо кое-что обсудить.

— Да, да! — подхватила подруга. — Я тоже хотела с тобой посоветоваться.

Лиза ушам не поверила. Неужели Соньке пришла в голову та же мысль, что и ей? Вот здорово, две одинокие немолодые дамы будут вместе коротать свой досуг. Соня уже на пенсии, времени у нее пруд пруди.

— Я тебя внимательно слушаю, — проговорила она, улыбаясь.

— Лизка, представляешь, я встретила мужчину! — Голос Сони звенел от возбуждения.

От неожиданности она чуть не выронила трубку.

— Мужчину? Ты?

— Да! Он военный. Майор в отставке.

26 В прошлом летчик. Красивый, умный. Мы

с ним познакомились в Эрмитаже. Он из Петрозаводска, приехал в Питер на выходные. Вдовец.

Лиза слушала и понимала, что первый вариант провалился с треском. Майор из Петрозаводска мечтал поселиться у Сони в центре Питера, ходить с ней по музеям и театрам, ужинать в ресторанах и даже заниматься любовью. И для Сони это было куда предпочтительней, чем видеть на его месте Лизу.

— Жить нам вместе или нет, как считаешь? — выпалила Соня.

— Конечно, жить. Даже не сомневайся.

— Ты прелесть. Лизхен, я тебя обожаю! Приезжай в гости, познакомлю тебя с Аликом.

— Приеду обязательно, — пообещала Лиза и нажала на отбой.

Она не спеша пообедала, хотя есть почти не хотелось. Затем нарезала бумагу и сочинила объявление: «Возьму на себя заботы о вашем ребенке в течение всего дня. Взамен — проживание на вашей территории. Спокойная, ласковая, без вредных привычек. Елизавета». В конце она приписала номер своего мобильного. Оделась, вышла на улицу и больше часа бродила по окрестностям, расклеивая листочки на стены, подъездные двери и столбы.

Первый звонок раздался уже вечером. Звонил мужчина.

— Елизавета? — Голос у него был приятным, бархатистого тембра.

— Да, это я, — волнуясь, проговорила Лиза.

— Я по поводу няни. У меня дочь. Ей семь лет, первоклассница. Нам нужна такая девушка, как вы.

— Отлично, — слегка смутилась Лиза. — Но я... я не совсем девушка.

— В смысле? — не понял мужик.

— В прямом смысле. Мне за пятьдесят.

— Так много? А что ж вы подписываетесь Елизавета? — В его тоне прозвучала досада.

— Ну, так вроде принято сейчас, — растерялась Лиза. — Мало кто называет себя по имени-отчеству.

— Простите, но вы нам не подходите. Нам нужна девушка, в крайнем случае, молодая женщина до тридцати пяти. Извините за беспокойство.

В трубке послышались короткие гудки. Лиза почувствовала, что краснеет. Интересно, для чего отцу девочки девушка в доме? И как на это смотрит мать малышки? Впрочем, какое ее дело...

Она решила терпеливо ждать других звонков, но их почему-то не было. Один раз по-

звонила какая-то хамоватая тетка, долго спрашивала Лизу о том, какое у нее образование, есть ли опыт работы с детьми, и узнав, что образование техническое, а опыта нет, обругала ее шарлатанкой и кинула трубку.

Дни бежали один за другим. Лиза продолжала ходить на работу, но написала заявление об увольнении. Ей надлежало отработать две недели, и потом она была свободна, как ветер в поле. Каждый день звонил Сережа. Он волновался, не передумала ли Лиза сдавать квартиру. Она отвечала, что не передумала.

По вечерам Лиза методично и тщательно упаковывала вещи в коробки и чемоданы. Убрала альбомы с фотографиями, книги, которые особенно любила и периодически перечитывала. Через две недели жильцы внесли залог. Лиза вызвала такси, заплатила водителю за то, чтобы он помог ей погрузить в багажник многочисленный скарб, и уехала в Тульскую область, в деревню Сомово.

4

Дом стоял поникший и озябший, — бревна серые, окна темные, потускневшие. Такси остановилось у кособокого деревянного за-

бора. Водитель молча стал выгружать пакеты и коробки. Вид его выражал сочувствие.

— Ну и куда вас? — не выдержал он, подходя к просевшему крыльцу по мокрой дорожке. — Небось дети сослали? На квартиру позарились?

— Никто меня никуда не ссылал, — спокойно проговорила Лиза, доставая из сумочки тяжелую связку бородатых ключей. — Сама я. С работы уволили, жить не на что. Вот квартиру и сдала.

— Сволочи, — выругался мужик. — Со всем озверели! Что творят! Уволить вас? Вы же еще совсем молодая. — Он остановился и посмотрел на Лизу. В серых глазах, утонувших в складках век, зажглась улыбка, удивительным образом осветившая его темное, простое лицо. — Молодая, — повторил он потише, поколебался чуть-чуть и добавил: — А я ведь родом-то из ваших краев, да. Тетка у меня километрах в двадцати отсюда, в Опалихе. Слыхали про такую?

— Нет, не слыхала. — Лизу стал раздражать таксист.

Явно хочет поболтать, а то и познакомиться. Но на что он ей? Никто не нужен после Женьки. Никто! И ступни в тонких сапожках уже стали стынуть на мокрой земле. Лиза

переступила с ноги на ногу и невольно поежилась. Мужик словно очнулся.

— Эх, заговорил я вас. Вижу, что не до бе-сед. А только нелегко вам будет здесь жить-по-живать. Дом-то старенький, ему мужские ру-ки нужны. Замаетесь одна в деревне.

— Как-нибудь, — нетерпеливо прогово-рила Лиза.

Ей хотелось уйти с улицы, чтобы этот водила наконец отвязался от нее и уехал восвояси.

— Ладно. — Шофер сходил к машине, принес последний чемодан и спортивную сумку, поставил их на крыльцо рядом с кучей других вещей. — Удачи вам. Вы сильная, справитесь. И красивая. — Смутившись, он опустил глаза.

Лиза невольно бросила взгляд на его ру-ки — тяжелые, с широкими ладонями и ко-роткими сильными пальцами. Они немно-го напомнили ей Женькины. Она так любила их трогать, гладить, прижимать к груди! Ру-ки мужчины, привыкшего с ранних лет к фи-зическому труду. Надежные, умелые, удиви-тельным образом способные быть ласковыми и нежными. Хотя Лиза глянула лишь мельком, от водителя не укрылся этот взгляд. Глаза его снова зажглись.

— Вот. — Он полез за пазуху. — Держите. — На его ладони лежала маленькая, ламинированная карточка-визитка. — Володя. Силантьевы мы. Если чего потребуется, звоните, не стесняйтесь. Приеду, подмогну.

— Да что вы, — замахала руками Лиза, — даже неловко. Ехать-то сюда замучаешься. Вы ж не у тетки живете, а в Москве.

— Ну и что, — упрямо возразил мужик. — Доеду, не впервой. И машинка у меня крепкая, моя она, не арендованная. Домчит с ветерком. Вы берите, мало ли что. — Он, не дожидаясь ответа, сунул визитку Лизе в руку.

— Спасибо. Я, наверное, вам должна еще что-то за разгрузку?

Он покачал головой:

— Ничего не должны. Женщинам надо помогать, особенно таким. Ну, я поехал. — Таксист развернулся и зашагал к калитке.

Лиза смотрела на его широкую спину, и в сердце закрадывался холодок тревоги. Сейчас он уедет и как она тут одна? Впрочем, почему одна, есть же рядом соседи. Вот за оградой вовсю дымит труба. Значит, хозяйва дома, топят печь. Вон и еще дымок, и еще. А напротив, через дорогу, надрывается лаем цепной пес. Мир не без добрых людей, могут.

Рявкнул мотор. Таксист Володя газанул и умчался по раскисшей весенней дороге. Лиза постояла немного на крыльчке, затем вздохнула и принялась отпирать старую, растрескавшуюся дверь.

5

Мужик оказался прав. Трудности подстерегали Лизу с первых же минут и на каждом шагу. Она еле справилась с проржавевшим замком, потратив на это уйму времени. Затем с не меньшим трудом отыскала в сарае пригодные для топки поленья. Пришлось взяться за топор, потому что их оказалось слишком мало. Дальше последовала борьба с печкой. Она дымила, чадила, отсыревшие дрова ни за что не хотели схватываться. Наконец, когда Лиза уже была в отчаянии, с ног до головы перемазанная копотью, полешки вдруг вспыхнули и весело затрещали. Она прикрыла заслонку и в изнеможении опустила на старенький деревянный стул.

Прошло четыре часа, как она здесь. Четыре! А в доме по-прежнему холодрыга, воды нет, ее надо достать из колодца и принести в комнату. А еще — подмести пол, покрытый клубами пыли, перестелить кровать, разо-

брать старый бабушкин шифоньер, повесить туда свою одежду, расставить книги на полках. Ну и сварить что-нибудь поесть — с утра у Лизы в желудке не было ничего, кроме чашки кофе и бутерброда.

Она заставила себя подняться. Сходила в сарай за ведрами, принесла воды. Попробовала разжечь плиту, но газ, разумеется, давно закончился. Слава богу, печь всюю разгорелась, и Лиза вскипятила воду, сварила себе гречку и пару яиц.

За стол она уселась, когда на дворе уже стемнело. По комнате разливалось блаженное тепло, в печке гудел огонь, уютно булькал на комодке блестящий электрический самовар, который они с Женькой когда-то привезли бабушке в подарок. Кажется, она им и не пользовалась никогда, во всяком случае, выглядел он как новенький. Глаза у Лизы слипались, тело ныло от долгой физической работы. Но она с гордостью оглядывала дело рук своих: подметенную горницу, дочиста отмытую большую дубовую столешницу, постиранные шторы, висящие в углу на веревке. Основной фронт работ, конечно, еще впереди. Лиза с опаской покосилась на груды тюков, стоящих у порога. Ну, это, естественно, не на один день. Тут недделю разбираться. А сейчас — спать!

Она собрала грязную посуду, замочила ее в тазике и ушла в маленькую спальню, где стояла роскошная, высокая, старинная кровать с никелированными шишечками и пуховой периной, в которой можно было запросто утонуть. Лиза покрыла матрас свежей простыней, привезенной из дому, вдела в пододеяльник толстое пуховое одеяло, взбила три шикарные подушки и, наскоро облачившись в ночнушку, рухнула во все это великолепии.

За окном еще кипела жизнь. Продолжал надрываться соседский пес, где-то визжала пила, слышались детские крики. В углу мерно тикали бабкины ходики, которые Лиза ухитрилась завести. Дом тихонько потрескивал старыми бревнами, словно укачивая ее, напевая колыбельную: «Спи, усни. Хорошо, что ты здесь. Вместе нам будет веселей. Спи, усни». Лиза сладко зевнула и провалилась в глубокую дрему.

6

Проснулась она ни свет ни заря. За окном только-только забрезжил рассвет. Громко пропел соседский петух. Лиза вылезла из-под одеяла, сунула ноги в теплые войлочные та-

почки, специально купленные для сельской жизни. Не торопясь, застелила кровать льняным бабушкиным покрывалом и отправилась в гостиную. Печь за ночь слегка остыла, но все же дом держал тепло. Лиза надела байковый халат, умылась ледяной водой из ковшика, почистила зубы и включила самовар.

— Молочко! — раздалось из-за забора. — Кому молочко? Козье! Хозяйки, кому молочко?

Лиза поколебалась и, накинув на плечи пальто, выбежала во двор. За калиткой стояла пожилая женщина в платке и ватнике. В руках у нее были две пятилитровые баклажки. Увидев Лизу, молочница обрадовалась:

— О как! Я гляжу, у Серафимы родня объявилась. Бери молочко, милая, не пожалеешь. Оно у меня вку-усное!

— Почему? — спросила Лиза.

— Литр пятьдесят рублей. Бери сразу пять. Вскипятишь, и будет стоять хоть неделю, хоть две. А коли скиснет, тоже неплохо — творог получается знатный. Бери, дочка.

— Сейчас, за деньгами схожу. — Лиза было толкнула калитку, но женщина остановила ее. — Деньги потом можно. Накопится чуток, сразу и расплатишься. Так что, берешь баклажку?

Лиза прикинула — куда ей одной столько молока? Она вообще козье почти не пила, да и коровье особо не жаловала. Однако под просительным взглядом молочницы ей стало неловко. А, будь что будет! В конце концов она теперь может себе позволить.

— Беру. — Лиза махнула рукой.

— Вот и умница. Ты кто Серафиме-то будешь? Не видела я тебя прежде.

— Внучка я ее. Приезжала сюда несколько раз. С мужем.

— С мужем, — задумчиво произнесла молочница и протянула ей баклажку. — А где ж муж? Спит, поди?

— Умер, — коротко ответила Лиза и взяла молоко.

— Царствие небесное. — Тетка перекрестилась. — Экая беда. Он что ж, сильно старше тебя был?

— Нет, ровесник.

— Вот те на. А что ж помер? Пил?

— Не пил. Просто сердце слабым оказалось. Инфаркт. — Лиза подавила судорожный вздох.

— Бедолага ты моя, — сочувственно произнесла молочница. — Как же ты одна-то? У нас тяжело без мужика. У меня вон дед, и тот — скрипит, а дела делает. Крышу мне

прошлым летом справил, щас потеплеет, сарай будет чинить. Ты, дочка, если что, к Ивану обращайся. Он у нас тут один трезвый. Остальные либо пьянь, либо больные. Молодежи вообще нет. Иван через три дома от тебя живет. — Женщина махнула освободившейся рукой.

«Как сговорились они все про мужскую помощь», — с досадой подумала Лиза, а вслух сказала:

— Да, конечно, если что, буду обращаться.

— Ну, заболталась я с тобой. — Женщина поудобней перехватила оставшуюся баклажку. — Побегу дальше. У меня таких банок еще пять штук дома. Надоть все пристроить.

Она тяжело побрела дальше вдоль заборов, продолжая нараспев покрикивать:

— Молочко! Кому молочко?

Лиза вернулась в дом. Прежде чем поставить молоко на печку, она не удержалась и налила себе стакан. Молоко действительно было невероятно вкусным, сладким и холодным настолько, что от него сводило зубы. Лиза мелкими глотками выпила все до дна. За окнами совсем рассвело. Петух честно горланил через каждые полчаса, и Лиза поняла, что будильник тут ни к чему. А впрочем, зачем ей теперь будильник? На

службу идти не надо, кормить Женьку — тоже. Можно спать, сколько захочется.

От этих мыслей на глаза навернулись слезы. Лиза сердито вытерла их рукавом халата. Хватит плакать! Да и некогда. Дел столько, что и за неделю не справишься. Во-первых, нужно разобраться с газом. Узнать, где заправляют баллоны, нанять кого-то, чтобы съездил. Затем поискать по деревне того, кто мог бы заняться канализацией. Мыться из ковшика Лизе явно не улыбалось, нужен нормальный душ, а в идеале и туалет наподобие городского. Ну и не худо бы подправить забор, крыльцо подремонтировать.

Лиза решила обратиться к тому самому Ивану, о котором говорила молочница. Пусть возьмется за дело. Нужно будет навестить его ближе к вечеру. А пока она принялась разбирать свой многочисленный скарб, привезенный из московской квартиры. Чтобы было не скучно, Лиза включила древнее бабкино радио — то на удивление исправно работало. Она поймала ретроволну и под голос Анны Герман отмыла и очистила шифоньер. Развесила на плечиках одежду, внизу аккуратно расставила коробки с обувью.

Затем она взялась за книги. Книги были Лизиной страстью. Читать она научилась

в четыре года и с тех пор глотала все запоем. Женька смирился, что дома у них целых два книжных шкафа, да не каких-нибудь, а четырехстворчатых. Лиза регулярно посещала книжные магазины, а также развалы, где продавалась букинистика. Помимо русской и зарубежной классики ей нравились и современные авторы — Пелевин, Сорокин, Улицкая, Петрушевская. Лиза не могла вспомнить ни дня, прошедшего без чтения. Кроме того, ей нравился сам запах книг, особенно старых, с пожелтевшими страницами и пыльными переплетами. Она любила вдыхать его, трогать и гладить обложки. Ей казалось, что книги хранят древние секреты, которые так интересно и увлекательно разгадывать на досуге.

Лиза раскрыла дверцы бабкиного книжного шкафа. Полки были полупусты. На некоторых вместо книг стояли фарфоровые статуэтки, сидели смешные куколки в пышных воздушных платьицах, розовощекие и золотоволосые. Лиза подивилась, откуда такие у бабушки в деревне, но потом вспомнила, что дед прошел всю войну до самого Берлина. Стало быть, куклы и безделушки — военные трофеи.

Лиза осторожно убрала кукол, пересадила их на комод, и, намочив тряпку, принялась вытирать пыль. Постепенно она дошла до са-

мой верхней полки, и тут ее ждал еще один сюрприз: в углу притаилась деревянная резная шкатулка. Лиза сняла с нее крышку. Внутри лежала пухлая, разбухшая колода карт. Она взяла ее в руки, и на нее пахнуло слабым запахом аниса. Странно. Бабушка, кажется, не умела играть в карты. Во всяком случае, Лиза не помнила, чтобы у той имелась такая колода. Карты были очень старые, такие сейчас не печатают. Тузы изображались в виде солнца, короли — верхом на конях, дамы — лежащие в будуарах, полуодетые. Лиза с интересом разглядывала картинки. Затем она аккуратно сложила колоду по порядку — сначала светлые масти, затем темные — и убрала обратно в шкатулку, оставив ее на том же месте, где и нашла, в самом углу верхней полки.

Потом Лиза принялась расставлять книги. Сверху классика, внизу современные авторы, в самом низу — фантастика и детективы. Закончив, она полюбовалась своей работой. Книжки стояли, корешок к корешку, словно приглашая немедленно взять их в руки и прочитать. Чисто вымытые стекла поблескивали в свете лампы. Лиза погладила высохшие шторы и развесила их на карнизы. Ей показалось, что дом ожил. Она могла поклясться, что слышит неясный, тихий шорох. В нем словно уга-

дывались слова: «Здравствуй, здравствуй. Теперь ты тут хозяйка. Я очень рад».

Лиза растопила печь, накинула вязаную шаль и позволила наконец себе пообедать. Вообще-то это скорее был ужин: за окнами снова была темень. «Не пойду сегодня к Ивану, — решила Лиза. — Завтра». Она налила себе чаю, взяла ванильный сухарик и села с книжкой в бабулино кресло-качалку. Ничего нет уютней, чем коротать вечер с книгой в руках, покачиваясь под треск поленьев в печке. Лиза подумала, что для полного счастья ей не хватает кошки. Или кота. Милого такого, пушистого увальня, чтобы спал у нее на коленях, мурлыкал и пил молоко из блюдечка. «Надо поспрашивать соседей, вдруг у них есть кошка, которая недавно принесла котят. Возьму серого. Или нет, белого. Нет, все же серого. В полоску».

Из приоткрытой двери спальни доносилось тиканье ходиков. За окном снова пел петух. Лиза читала «Поющие в терновнике», вернее, перечитывала в десятый раз. Бывает же на свете настоящая любовь! Такая, за которую и умереть не жалко, как была у них с Женькой. Она листала страницы, не замечая, что по щекам ползут слезы. Стекла тоже плакали каплями первого весеннего дождя. Начинался апрель.

Назавтра она зашла-таки к Ивану. Тот оказался низкорослым, бородатым мужиком в куртке и надвинутой по самые брови кепке. Он возился во дворе с лопатой, раскапывая какую-то яму.

— Привет, соседка, — дружелюбно поздоровался он. — Наслышан уже. Бабка Клавдия раззвонила. Значит, ты Серафимина внучка? Вон какая. — Иван окинул Лизу цепким взглядом из-под козырька. — Бабка твоя, царствие небесное, отличная женщина была. Хозяйство вела справно, пироги у нее водились каждый вечер. Мы, ребятами, любили к ней в хату завалиться. Угощала она нас, ничего не жалела. Эх, Серафима, Серафима... Хорошо пожила, вволю. Ты на нее похожа.

— Не может быть, — не поверила Лиза.

Бабушка Сима была пышная брюнетка, яркая, краснощекая даже в старости. А Лиза — худенькая, светловолосая, голубоглазая и белокожая. Женька в шутку называл такой цвет лица дворянской бледностью, намекая на ее отца, интеллигента в третьем поколении.

— Ей-богу, похожа, — подтвердил Иван. — Взгляд такой же. И осанка. Что ж, будем дружить. — Он воткнул лопату в землю

и протянул Лизе квадратную, мозолистую ладонь. — Если надо чего, не стесняйся, проси по-соседски.

— Газовый баллон заправить нужно. А еще туалет бы переделать. Воду в дом провести. — Лиза посмотрела на мужика с надеждой.

Тот нахмурился и покусал губу.

— Газ я тебе заправлю. Послезавтра в райцентр поеду, захвачу твой баллон. А насчет сортира — это сомнительно. Вода здесь близко стоит, если трубы класть — с умом надо делать. Материал нужен опять же. Выйдет это в копеечку.

— Я заплачу, — с готовностью проговорила Лиза.

Иван посмотрел на нее с любопытством.

— Откуда ж у тебя бабки? Ты ж не работаешь, как я понимаю.

— Не работаю. Квартиру сдаю. У меня хорошая, большая.

— Вот так, значит. — Иван понимающе покивал. — Это хорошо, что деньги у тебя водятся. Да только все одно: воду я тебе в дом не проведу. Нужен специалист. Съезди в поселок, там есть сантехник. Заплатишь ему, он тебе все и устроит в лучшем виде.

— Хорошо, так и сделаю, — согласилась слегка разочарованная Лиза.

Ей казалось, такой пустяк может сделать любой мужик. Женька бы соорудил в два счета. Но ничего не попишешь, придется довольствоваться тем, что есть. Они договорились, что Иван послезавтра зайдет к ней за баллоном. Лиза вернулась домой и занялась хозяйственными делами: помыла окна, отдраила плиту, разобралась в сених, заваленных старым хламом. Ближе к вечеру она решила устроить себе перерыв и пообедать. Однако, едва Лиза села за стол, в калитку постучали.

— Входите! — крикнула она из окна, полагая, что это Иван.

Может, пришел взглянуть, как она устроилась? Но это был не Иван. Во двор вошла высокая, дородная женщина лет сорока с небольшим. Волосы у нее были небрежно уложены в пучок, под мышкой она держала какой-то сверток.

— Вечер добрый, хозяйюшка, — поздоровалась гостя низким, грудным голосом. — Позволь зайти?

— Конечно, входите. — Лиза вышла в сени.

Женщина сняла у порога заляпанную грязью резиновые ботинки и босиком прошла в комнату.

— Знакомы будем. Марина я. Соседка ваша. — Она сунула Лизе сверток. — Вот,

угощайтесь. Пирог это, с грибами. Грибы сама по осени собирала. Всю зиму стоят. Вкусные.

— Спасибо. — Лиза взяла сверток. От него шел чудесный аромат. — Садитесь со мной обедать, — пригласила она гостью.

— Какой обедать? — засмеялась та. — Время ужинать. Мы с петухами встаем. В десять уже спим.

— Ну тогда чай пить. С пирогом.

— Чай — это с удовольствием.

Марина чинно присела к столу, спрятав под стул босые ноги с огромными ступнями. От предложения дать ей тапочки она категорически отказалась. Они с Лизой пили чай, ели пирог и беседовали. Марина оказалась медсестрой в местной поликлинике, которая находилась в пяти километрах от деревни. Ее муж, Артем, работал шофером в райцентре на мясокомбинате.

— Коли не пил бы, золотым парнем бы был, — пояснила Марина.

У них с Артемом были две дочки-погодки, Аня и Катя. Все четверо родились в Сомове и жили тут всю жизнь. Марина училась в Тульском медучилище, Артем служил на Севере, там и шоферить научился. После учебы и службы вернулись в родную деревню, где

и поженились. Все это Лиза выслушала в течение получаса, пока Марина не закрывала рта.

— Ну а вы-то как? Надолго к нам? Тетка Клава сказала, что насовсем. Жить будете здесь?

— Буду.

— А лет-то вам сколько? — бесцеремонно поинтересовалась Марина.

— Пятьдесят два.

— Как сестре моей. У нее уже внук старший в школу ходит. — Соседка неловко замолчала и виновато посмотрела на Лизу. — А у вас дети есть? Внуки?

— Нет. Ни детей, ни внуков. Муж был, он умер. Недавно.

Марина сочувственно вздохнула.

— Тяжело одной-то. Скучно, поди?

— Не скучно. Вон дел сколько!

— Дел-то всегда полно, особенно на селе, — согласилась Марина. — Ну а потом, когда все сделаешь? И поговорить не с кем.

— Я книжки читаю, — сказала Лиза.

— Книжки? Разве ж это интересно?

— Конечно. Вон сколько у меня. — Она с гордостью указала на книжный шкаф. Марина посмотрела на нее с удивлением.

— Это что, целый шкаф и все книги?

— Конечно. Смотрите, вон Пушкин, Тютчев, Маяковский. А там, пониже, Бальзак, Драйзер.

— Как это вы их всех по фамилиям помните? — не поверила Марина.

— Кто ж их не помнит? — засмеялась Лиза. — Это писатели с мировым именем.

— Ну вы, однако, даете! — Марина решительно поставила чашку на стол. — Никогда таких людей не видела. У нас с Артюхой дома книжек десять есть. И у Катьки с Анюткой столько же. Но они не любят читать, им мультики подавай. Вон, купили им ноутбук в кредит в прошлом месяце, так теперь дерутся за него. А вы — книги... — Марина встала из-за стола. — Ладно, пойду. Заговорила вас. А дома куры не кормлены. И девчонок ужином надо кормить. Мужик-то мой сегодня в ночную.

Она зашлепала по полу к двери. Лиза вышла следом — проводить.

— Работы у вас тут начать и кончить, — проговорила Марина, осматриваясь. — Дом-то на ладан дышит. Крышу надо чинить. Бревна гниют, пропитывать нужно. Я б Артюху вам прислала, да он и дома почти не бывает. А придет — напьется, только и делов у него, что в постели храпеть.